

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Челябинский рабочий

Орган Челябинского обкома КПСС и областного Совета народных депутатов

Газета издается с апреля 1908 года

◆ № 234 (20759) ◆ Среда, 12 октября 1988 года

Цена 3 коп.

ОСЕНЬ В МИАССОВО

Путешествие по следам героя повести Даниила Гранина «Зубр»

Всю неделю лил дождь. Нудный, противный, облака, как из сырой ваты, облитой бледно-синими чернилами. Настроение на нуле. Все, кто прежде выражал желание познакомиться с нами на Большое Миассово, по одному отказались: «Если бы было в августе, когда стояла жара, я бы не задумывалась». Все шло и тому, что поездка могла сорваться. И, все-таки мы решили не откладывать ее, ведь чем глубже осень, тем хуже погода.

Впервые об этой поездке заговорили, когда летом прошлого года в журнале «Новый мир» появилась публикация художественно-документальной повести Даниила Гранина «Зубр», рассказывающей об удивительном человеке, выдающемся советским ученым, создателем радиационной генетики Н. В. Тимофеев-Ресовским. Об этой повести спорили критики и читатели. Чтобы прочесть ее, в журнале заполнился очередь.

Такой интерес к ней, несомненно, вызвал незаурядную геничность ее героя. После В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова и некоторых других известных ученых в отечественной биологии это была звезда первой величины. Достаточно сказать, что в 1965 году Зубра наградили Кимберовской медалью «За замечательные работы в области мутации». Эта медаль стала крупнейшей наградой генетиков, она заменяет пребывавшую премию, поскольку Нобелевской для биологов нет. И до Кимберовской Тимофеев-Ресовского награждены восьмью почетными медалями других государств. Он

Маленький, уютный «рафиник» уверенно катил по проселкам Аргалышского района. Верхние Караси, Кулуево, Уразбаево. А вот и озеро Малое Миассово. Синевозо-серая поверхность воды простирается на многие квадратные километры.

За Уразбаево Малое Миассово узкой горловиной соединяется с Большим Миассово. Оно находится уже в Ильменском заповеднике, — сообщил эноток этих мест Юрий Абраменко.

За Уразбаево спустились с пригорка и оказались у железных ворот. Это въезд в знаменитый на весь мир заповедник. Прослых к высокому бревенчатому дому лесника. На дружный лай двух дворняжек вышел хозяин Малого кордона Федор Иванович Глушков. Увидев письмо-разрешение директора заповедника доктора геофизико-минералогических наук В. Н. Анфилотова, Федор Иванович согласился в себе возникшее было беспокойство и принял показывать, как пройти к комечной цели нашего следователя — большому кордону.

Дорога на Большой кордон вела по территории заповедника. Трава кругом не выпотта и даже не пошла. Резные листья папоротника все еще зеленели, рядом с ними черными головками живали крохотные шалки кровохлебки, всыхивали то синими, то золотистыми огоньками цветы, названия которых никто из нас толком не знал.

На повороте дороги вонзилась в небо огромная, почти в два обхвата сосна, возраст которой лет двести, не меньше. По соседству с сосной — скромное кладбище. Пять-шесть могилок. В них покоятся тела тех, кто целиком посвятил себя

был действительным членом немецкой академии, почетным членом — американской, различных обществ биологов многих стран мира. Все это — международное признание его серьезных заслуг.

Судьба Зубра, прямая, трудная, а порой и драматичная (опасаясь репрессий, боровшихся на советских генетиков в тридцатые годы, он остался жив и работать в Германии, где и властей пришел Гитлер, но при всем этом судьба несомненного человека манила, звала узнать о нем еще больше). Особенно нас, уральцев, привлекает в ней то, что наиболее плодотворные годы своей научной деятельности Тимофеев-Ресовский жил и работал в нашем kraю, на берегу озера Большое Миассово. Именно поэтому повесть «Зубр» недавно вышла отдельным изданием в нашем Южно-Уральском книжном издательстве.

В сентябре 1987 года у нас побывал ее автор. Мы организовали творческую встречу с ним. Более часа писатель рассказывал о своих встречах с героями, о том, как вспоминал забытые ими в повести отеческий национальный язык. Эта встреча подогрела наш интерес к героям книги. Тогда и обронил старший редактор Ю. Абраменко мысль: «Нельзя бы побывать в Миассово! Ведь в работах там как раз со временем Зубра». Такой идеи нужного времени, чтобы вырвать «владыку умами и душами». И вот спустя год она все-таки осуществилась.

Службе Ильменскому заповеднику, охране и заботе о нем. Большой кордон начался неожиданно с участка, который называется «Гамма-поле», где на дельфине овса, гороха стояли радиоактивные излучатели. А вот и дом — однотажные, деревянные, ровные, точно прямоугольники, выстроившиеся в ряд. Из здешних окон виден въезд в заповедник. В 50—60-х годах там располагался целый научный городок. Здесь работали десятки научных сотрудников и лаборатории. У них был свой клуб, магазин. Теперь на кордоне запустение и уныние — тут никто не живет. По крайней мере так считали мы.

— Вот в этом доме жил Зубр с женой Еленой Александровной, — сообщила нам гид. — Да, это там наслышались с Большом Миассово и его обитателями удивительных историй, он в начале шестидесятых привел сюда и подбросил в Зубру на работу. Появился убежденный лысенковец, в после основательного промывания мозгов ему сказали: «Ты не безнадежен. Еще можешь стать нашим. То есть формальным генетиком».

Они были формальными генетиками, но отношения их сложились совершенно не формальными. Тимофеев-Ресовский, например, называл свою жену не иначе как Лелька, а она его — Колюшкой. Участников своих семинаров на берегу озера Зубр окрестил котом Трэйси, котом Хромосомой. До сих пор Юрий Петрович помнит остроты тех лет, особенно эту: «Есть две точки зрения — мозг и нервная система».

— А сейчас пойдемте, я покажу вам дом, в котором работал Зубр, — предложил Абраменко.

Это — двухэтажный деревянный «бывший купеческий особняк». Он, наверное, ровесник века, а ему хоть бы что: так же крепок и ладен, как и много лет назад. По кругой (и отнюдь не скрипучей) лестнице поднимались на второй этаж, узкие коридорами прошли в небольшую уютную комнату, находящуюся в центре здания. Две светлые окна, между ними застекленная дверь.

— Это рабочий кабинет Зубра. Вот здесь он сидел за письменным столом и работал. А в эту дверь выходила

белкой и любовалась видом на озеро.

Вид отсюда прекрасный. Перед балконом — белостольные бересклеты и вечно зеленые сосны, в яблоках, в отражении синевы и по-сентябрьски хмурым туманом озерное пространство.

Однажды весной, когда бересклеты только-только оделись в зелень, художник Рубен Габриэли (он жил в ту пору в Челябинске) написал здесь картину с натуры и назвал ее «Юности». На ней на фоне красных тонов выделялась юношеская фигура ученого, в зелени — оливковый в Каслиях из-за края прекрасный зуб. Это было символично: зуб подчеркивал сильный характер ученого (не он ли подобрал название Даниилу Гранину для его повести?). Художник вручил свою работу Николаю Владимировичу. Она Зубру очень понравилась.

И в памяти всплыли страницы из повести Д. Гранина. Там эта картина тоже упоминается.

— В этом кабинете побывало немало известных ученых, — продолжил интровертированную экскурсию Юрий Петрович. — Как-то к Тимофееву привез математиков из Сибирского академгородка Игоря Андреевича Полтева и присяжал рассказывать об опыте в тепличке.

Зубр слушал его внимательно, потом, обретшись в жене, вдруг сказал: «Лелька Поминки, в нашем институте были ребята, которые тоже работали над этой проблемой в лаборатории Тухачевского. Тогда еще не было радиосигнализаторов подземными подземными, так эту связь пытались установить с помощью теплопатов...»

На Большом кордоне хорошо знают Гранинскую горку (зимой радиологи любили здесь собираться). А на побережье озера — гранитный выступ, который кто-то назвал власкою «Корабликом». Высокий, отвесный, сидит на нескользком морозе врезался в озерную гладь. С него открывается перспектива озера, потому что удобно загорать. А рядом с «Корабликом» забрасывали по пол в воду. Зубр проводил со своими коллегами знаменные встречи (то есть научные семинары).

— Вот здесь, недалеко от магазина, расположился широкая клумба. Все лето она утопала в ярких цветах. Однажды Зубр, увидев женщину, которой питалась особые симпатии, прямо на ее глазах, сорвал с клумбы несколько прекрасных цветов и, сопровождая собой не совсем элегантный поступок, остроумной шуткой, вручил букет этой даме. Она гордо достоинству оценила его юморист.

Наш гид был неутомим. — В Миассово нередко устраивали выставки абстрактного искусства. Кто выставлялся? Профессиональные художники и semi-ученые. На коре этих сосен был вырезан знаменный манифест — молодого тогда биофизика Андрея Маленкова. Он — редкое дарование человека понимать настоящие искусства. Очень оригинальный.

И на память, слово в слово, воспроизвел этот единственный в своем роде манифест: «Если человек смотрит на облачко и говорит, что оно похоже на жирафа, то разговаривает с этим человеком нет смысла. Если же зритель смотрит на облачко и говорит: здесь что-то есть — он не безнадежен. Но если человек смотрит на облачко и при этом ему не хватает дыхания, волнуется, исхитряется, гамму чучас — вот он понимает искусство».

Всего несколько часов находимся мы в Миассово. За это время узнали много интересного и о Зубре, и об Ильменском заповеднике, материалах которого он жил и работал.

Одно омрачало настроение: о Зубре здесь знали не понаслышке, мало же было синих, но ни в здешнем ни в областном, в котором он работал, нет никакой таблицы. Неужели среди молодых сотрудников Ильменского заповедника не найдутся энтузиасты, которые сделали бы это? А еще лучше, если бы вместе с работниками Миассового музея, оборудовали рабочий кабинет и наняли аниматора Зубра, сделали бы все, как было, рижем!

День кончился с вечером. Дорогу от моросившего дождя развел, колеса «рафиника» скользили по ней, как по мылу. То и дело приходилось выходить из машины и подталкивать ее. А потом, когда выбрались на твердый грунт и уж ехали уверенно, с удовольствием смотрели под ногами уединенного, спорили о знающих Зубра в современной биологии.

— Вот все то падомистество, сколько мастерств у них, необычные «арт-компании» — что это, школа Тимофеев-Ресовского? — дотыкался поглубже Виктор Окунев.

— Думаю, нет, — ответил рассудительно Абраменко. — Бывает так: вот генер, в это костер, Петь, как мы знаем, обладает сложной системой обеспечения тепла. А костер вспыхнул и горит сам по себе, без всякой системы. Так и Зубр. Поговорим, это — костер.

Отблеск того костра, начавшего шестидесятых годов, ярко светил нам уже в конце осени. И мы были благодарны ему за это.

Анатолий БЕЛОЗЕРЦЕВ.